

Черепанов Игорь Владимирович

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОЗНАНИЯ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

В статье рассматривается символическая природа сознательной и бессознательной сферы психики. Исследуются механизмы шифровки осознаваемых переживаний и декодирования синтаксических структур бессознательного. Анализируется формирование смысла бессознательного материала психики в пространстве интерпретации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 190-194. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 165.12

В статье рассматривается символическая природа сознательной и бессознательной сферы психики. Исследуются механизмы шифровки осознаваемых переживаний и декодирования синтаксических структур бессознательного. Анализируется формирование смысла бессознательного материала психики в пространстве интерпретации.

Ключевые слова и фразы: символ; знак; символическая репрезентация; самоидентификация; сознание; бессознательное.

Игорь Владимирович Черепанов

Кафедра философии

Новосибирский государственный технический университет

philos@fgo.nstu.ru

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОЗНАНИЯ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО©

Как показало развитие психоанализа, существуют переживания, вытесненные силами сопротивления в сферу бессознательного и проявляемые косвенно, например, через оговорки, сновидения или какие-то замещающие переживания. Соответственно возникает вопрос: чем феноменологически отличается осознаваемое переживание от того, во что оно превращается после своего вытеснения, если при этом не происходит никаких дополнительных репрезентаций? Если в процессе работы сил сопротивления само феноменальное содержание психических переживаний не подвергается никаким существенным трансформациям, то видоизменяется лишь его функциональное значение, и в результате вытеснения, используя терминологию З. Фрейда, оно занимает новое место в рамках психического аппарата личности. Это «новое место» не позволяет обрабатывать психический материал сознательными силами психики, которые отличаются от бессознательных собственно тем, что персонализируют его, соотносят с индивидуальным Я и противопоставляют внеположенной сфере не-Я.

Отличие сознательного от бессознательного описывается энергетической моделью З. Фрейда, согласно которой сознание – это сфера свободной энергии, а бессознательное – это сфера связанной энергии. Соответственно, процесс осознания бессознательного материала представляет собой высвобождение, разрядку психической энергии и перевод ее из связанного состояния в свободное. Связанная энергия – это энергия потенциальная, втиснутая в определенные психоэнергетические накопители и контуры, энергия, которая может совершить определенную работу, может быть потрачена на генерирование какого-либо действия, но которая в данный момент находится в потенциальном, нереализованном состоянии. Психическая энергия связывается, прежде всего, структурой неразрешенных конфликтов, психологических травм, фобий и прочих форм психического напряжения. Свободная же энергия – это, напротив, энергия действующая, расходуемая на определенные поведенческие реакции, энергия, переводимая из потенциального, связанного состояния в свободное и тем самым растрачиваемая на психическую жизнь человека.

Энергия, независимо от ее качественных характеристик, есть способность совершить определенного вида работу. Соответственно психическая энергия представляет собой способность совершить работу психического характера, т.е. работу, связанную с проявлением эмоций, желаний, аффектов, а также интеллектуальных актов и актов чувственного восприятия. Здесь сразу же возникает вопрос об онтологической природе психических феноменов, а именно: обладают ли они самостоятельным онтологическим статусом или представляют собой эпифеномены некоего более фундаментального онтологического уровня мира? Очевидно, что психические феномены, такие как эмоции, образы и мысли, невозможно полностью свести к нейрофизиологической или биохимической деятельности мозга подобно тому, как смысловое содержание текста невозможно полностью свести к простой последовательности букв на листе бумаги или цифр в компьютерной программе. Информация не редуцируется к своему материальному носителю, а лишь выражается им и хранится на нем. Информация может существовать на компьютерном диске, но она не есть сам этот компьютерный диск или какая-то его отдельная структура, поскольку ее можно хранить и на других носителях информации, как цифрового, так и аналогового характера. Однако если сущность информации не принадлежит ее материальному носителю, то бытие информации напрямую зависит от ее материального носителя (т.е. информация сама по себе не существует без своего материального носителя в какой-то автономной онтологической области, наподобие идеального пространства платоновских идей). Таким образом, противопоставление энергии и информации по их сущности приводит к необходимости правил перевода первой во вторую и, соответственно, второй в первую. Изучая состав и структуру компьютерного диска или листа бумаги, испещренного символами и знаками, мы не сможем понять хранимую на них информацию, не зная программного кода и смысла написанных слов, поскольку сам программный код не принадлежит компьютерному диску, в равной степени, как и смысл написанных слов не принадлежит бумаге и чернилам. Аналогичным образом можно утверждать, что сознание есть осмысленный или, по крайней мере, осмысляемый текст, тогда как бессознательное представляет собой просто набор символов, которые нуждаются в своей интерпретации и своей расшифровке.

Всякое психическое явление имеет свой биохимический и нейрофизиологический субстрат, т.е. любое переживание, любое ощущение, любое восприятие и любая мысль с необходимостью сопровождаются определенными телесными процессами, протекающими в организме человека. Однако по сущности психическое явление не редуцируется к подобного рода телесным процессам аналогично тому, как смысл определенного текста не может быть сведен к цифровой последовательности, записанной на DVD-диске. Перевод информации, закодированной в биохимических и нейрофизиологических процессах, в определенный психический опыт осуществляется при помощи сознания, причем такое репрезентативное отображение может происходить в обе стороны: как из физиологической сферы в психическую, когда, например, совокупность световых сигналов трансформируется в визуальный образ наблюдаемой сцены, так и наоборот, из психической сферы в физиологическую, когда, например, внушение того, что поднесенный к руке карандаш является раскаленной металлической палочкой, приводит к образованию реального ожога на коже человека. Поэтому бессознательное, будучи той частью психики, которая лишена сознательной компоненты, по сути, сводится к нейрофизиологическому субстрату психического опыта или, другими словами, к нейрофизиологическому коду, смысл которого расшифровывается только механизмами сознательной репрезентации.

Строго говоря, в бессознательном нет ни переживаний, ни образов, ни мыслей, а есть лишь их информационные коды, которые требуют своей расшифровки, чтобы стать осмысленным содержанием психического опыта. Сознание в качестве дешифратора бессознательного считывает информацию, записанную в виде биохимических и электрических связей в нейронах коры головного мозга, и преобразует ее в образы, переживания и мысли, а также совершает обратную операцию – преобразует определенное психическое содержание в нейрофизиологический информационный код. Такая обратная операция кодирует переживания в виде биохимических и нейрофизиологических паттернов, что, в частности, проявляется в феноменах психосоматического характера. При этом распаковка первичного кода может не совпадать с изначальной семантической структурой, если в рамках интерпретации способ дешифровки бессознательного не совпадает со способом шифровки осознаваемого материала, что приводит к искажению изначального психического опыта.

Выстраивая свою экономическую теорию психики, З. Фрейд утверждал, что сексуальность как основа всякой психической активности человека носит нейрофизиологический характер, и поэтому бессознательная сфера в отличие от сознательной имеет фактически не психическую, а нейрофизиологическую природу. Строго говоря, взаимопереход нейрофизиологической энергии в психическую и, наоборот, психической в нейрофизиологическую есть взаимопереход не одного вида энергии в другой, а энергии в информацию и информации в энергию (т.е. текста в смысловую интерпретацию и смысла в закодированный текст). При этом с физической точки зрения закон сохранения энергии не нарушается, ибо энергия никуда не исчезает и не появляется из ниоткуда, а просто происходит изменение энтропии за счет образования или, напротив, разрушения упорядоченных структур, выполняющих роль зашифрованного текста. Сознание считывает информацию, которая символически упакована в нейрофизиологических и биохимических структурах тела, и реализует ее в психических процессах и образах, а бессознательное осуществляет обратную операцию – записывает психические процессы и образы в виде информационного кода, представляющего собой определенные нейрофизиологические и биохимические структуры тела. Поэтому бессознательное имеет синтаксическую, но не семантическую структуру, ибо представляет собой определенным образом упорядоченный набор символов, смысл которых распаковывается лишь в пространстве осознанной интерпретации.

Осознание по своей сути является символизацией, поскольку осознать нечто означает понять нечто одно в виде чего-то другого, что указывает в качестве символизирующего на свое предметное символизируемое. Так, например, осознание восприятия стола означает символическое представление «стола» как объекта внешней реальности в виде «образа стола» как объекта внутренней реальности воспринимающего субъекта. Поэтому осознание всегда есть расшифровка символического кода, передающего определенного рода информацию либо об окружающем мире, либо о самом субъекте сознания. Б. Мидор и К. Роджерс в совместной работе «Личностно-центрированная терапия», говоря об осознании, символизации и сознании, утверждают, что все эти термины «считаются синонимами», и далее пишут: «Таким образом, осознание рассматривается как символическая репрезентация (не обязательно в вербальных символах) какой-то части нашего опыта. Эта репрезентация может иметь разную степень определенности и очевидности, от туманного осознания чего-то, существующего как фон, до острого осознания чего-либо в фокусе, как фигура» [3, с. 34].

Сознание, будучи фиксированием факта бытия сознающего субъекта и осознаваемого мира, имеет парадоксальную и внутренне противоречивую природу. С одной стороны, оно рождается из себя самого и поэтому является спонтанным и самодействующим, но, с другой стороны, именно преодоление такой спонтанности делает его собственно сознанием. Сознательный акт провоцирует борьбу с самим собой в качестве стремления добиться того, чтобы сознание перестало быть спонтанным и самодействующим. Согласно М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорскому, человек решает проблему борьбы с сознанием как именно проблему самоопределения и способа существования в окружающем мире.

Сознание само по себе имеет непредметную природу, и поэтому оно в хайдеггеровском смысле изоморфно бытию, что, конечно, является необходимым условием познания вообще. Сознание отличается от восприятия тем, что оно направлено не на воспринимаемый предмет, а на мыслительный акт, который соотносит понимание этого предмета с тем фактом, что такое понимание действительно свершилось или свершается. Например, зрение и осознание зрения принадлежат различным уровням психического бытия человека, поскольку первое может быть бессознательным (подпороговое восприятие, восприятие под гипнозом и т.п.), а второе не связано

напрямую с тем, что именно человек видит. Однако осознание изменяет акт восприятия, если соотносит интендируемый предмет как некий символ с проприотическими структурами воспринимающей личности. Поэтому сформированное Я или функционирующая самость человека вписывает акт осознания в структуру самого осознаваемого акта восприятия. Если же последний вытесняется, то та его неотъемлемая компонента, которая принадлежала сознательной сфере и наполняла этот акт существенным содержанием, заменяется символической формой, играющей фактически роль соотношения психического материала с самостью человека. При этом следует понимать, что наличие сознания, вообще говоря, с необходимостью не требует наличие индивидуального Я. Как замечают М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский в своей работе «Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символической и языке», сознание само по себе вовсе не предполагает наличие структуры Я, и поэтому можно говорить о поле сознания как о ментальной сфере, которая первична по отношению к дихотомии «субъект – объект», что имеет самое прямое отношение к полевому виду сознания без Я или, выражаясь более точно, полевой форме сознания или полевому модусу сознания.

Процесс самоидентификации человека существенно зависит от состояния сознания, в котором он находится и которое задается не феноменальным содержанием психической жизни, а формальной стороной ее репрезентации. Состояние сознания, согласно М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорскому, определяется не самим восприятием, а таким способом его репрезентации, который, будучи собственно модусом поля осознания, не принадлежит ни воспринимаемому, ни воспринимающему. Существуют истины, инвариантные различным состояниям сознания, например, истины эйдетических наук (таких, например, как математика, логика и диалектика), но есть и такие истины, которые непосредственно зависят от того, в каком состоянии сознания находится человек. К последним, в частности, относится понимание личностью собственного бытия и своего места в окружающем мире.

М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский указывают на то, что «Я не существует как структура сознания, но соответствует определенному состоянию сознания» [2, с. 48]. Состояния сознания, предполагающие эго-структуру, которая противопоставляет Я и не-Я, субъект и объект, а также осознаваемое Я и осознающее Я, нарушают онтопсихологическую целостность человека и потому относятся к низшему классу, а те состояния сознания, которые характеризуют поле сознания как таковое, напротив, способствуют укреплению онтопсихологической целостности человека и в связи с этим принадлежат высшему классу. В сознании полевого характера без жесткой центрирующей структуры Я снимается дихотомия «интроецированное – ассимилированное», а одновременно и проблема подлинности человеческого бытия, поскольку тогда личностная целостность замыкается в непрерывности осознанного самосвидетельствования независимо от того, что при этом является осмысляемым предметом. Таким образом, возникает иерархия состояний сознания, которая рассматривается, например, в работах С. Грофа и Ч. Тарта. Переход между низшими состояниями сознания и высшими стимулируется экзистенциальной активностью личности в пространстве символов, которые ассоциативным полем приобщают человека к коллективной и трансперсональной составляющим бытия и, тем самым, подвергают деструкции индивидуальное эго. Именно поэтому, в частности, в восточных традициях с целью обретения онтопсихологической целостности используются медитативные практики, непосредственно связанные с созерцанием символических образов (например, мандал и янтр) или слушанием символических звуков (например, мантр и молитв).

Символизация представляет собой репрезентативный способ ассоциативно-эйдетической связи между различными смысловыми структурами психики. Благодаря символическим формам одно смысловое содержание может указывать на некое другое смысловое содержание, и именно поэтому символ есть отрицание неким смысловым содержанием себя самого и полагание через это отрицание иного смысла, скрытого за первым и выражаемого его непосредственным содержанием. Смысл, ушедший в бессознательную сферу, репрезентирует себя посредством некоего иного смысла, проявляющегося симптоматически, и поэтому такой смысл становится символом, кодирующим не просто определенное смысловое содержание, но определенным образом структурированное распределение своего ассоциативного поля. В итоге при обращении к бессознательной сфере самоопределяющийся субъект обнаруживает не конкретные смыслы, а символические структуры, которые могут быть проинтерпретированы различным образом. Поскольку же бессознательное имеет дело не со смыслами, а с синтаксической последовательностью символов, предполагающих целый спектр распределения ассоциативного поля, то оно, по своей сущности, представляет собой не нечто в себе определенное, наподобие черного ящика, в котором лежат подавленные желания, эмоции и мысли, как это предполагал З. Фрейд, а неопределенную сферу смыслового распределения, которое актуализируется и становится конкретным смыслом только в акте интерпретации, например, во время психотерапевтического сеанса или же в процессе самоанализа личности.

Бессознательную сферу психического бытия человека можно разделить соответственно на индивидуальное бессознательное (имеющее отношение к человеческому эго) и коллективное бессознательное (имеющее отношение к исторически повторяющимся стереотипам человеческого бытия и репрезентативным формам бытия вообще). В индивидуальном бессознательном хранятся соответствующие определенным переживаниям, образам и мыслям информационные коды, считывание и расшифровка которых и порождает собственно психический опыт личности. При этом осознаваемые переживания, такие как желания, эмоции, аффекты и образы, будучи символами бессознательного содержания, могут наделяться в зависимости от интерпретации различным смысловым значением. Так, например, за страхом может скрываться любовь, за обидой – зависть, а за физиологической тошнотой – переживание экзистенциального вакуума. Находясь в бессознательном состоянии, например, под гипнозом, человек может смеяться или плакать, но при этом он не будет внутренне переживать радость или горе, а будет лишь демонстрировать внешнюю реализацию нейрофизиологической программы радости или горя, проявленную в последовательности определенных телесных знаков и символов.

Информационные коды психических переживаний и поведенческие паттерны как именно элементы бессознательной сферы, не допускаемые силами сопротивления на сознательный уровень репрезентации, в совокупности образуют психологические комплексы, отличительной особенностью которых является символическая перекодировка первичного психического опыта. Психологические комплексы формируются в конфликте противоборствующих потребностей, напряжение между которыми манифестируется в виде определенного симптоматического символа, кодирующего смысл внутреннего конфликта. Рассмотрим для примера с учетом символической природы индивидуального бессознательного Эдипов комплекс. Нежное отношение к матери и инфантильная сексуальность заставляют мальчика увидеть в отце конкурента и врага, что приводит к внутреннему неразрешимому противоречию: с одной стороны, мальчик боится наказания со стороны отца, но, с другой стороны, он хочет устранить его и занять его место во взаимоотношениях с матерью. Такой психологический конфликт порождает чувство вины, обусловленное желанием инцестуозного овладения матерью. Данное желание вытесняется и подвергается перекодировке, в результате которой определенным синтаксическим единицам ставятся в соответствие другие синтаксические единицы, а затем последние начинают рассматриваться в их собственном смысловом содержании независимо от их символической связи с изначальным смысловым содержанием перекодированных синтаксических единиц. Как следствие, на бессознательном уровне образ матери может кодироваться совокупным образом любящей и заботливой женщины вообще, что приведет к бессознательному запрету на сексуальные отношения с женщинами, которые подпадают под такой символический образ. В итоге, мужчина будет испытывать сексуальные проблемы с женой, которая так же, как и его мать, является любящей и заботливой женщиной, другими словами, «хорошей» женщиной, но при этом будет сохранять прекрасную потенцию с женщинами легкого поведения, т.е. с «плохими» женщинами, которые не подпадают под запрет на инцестуозные сексуальные отношения.

Однако не только кодировка психического опыта является следствием вытеснения в бессознательную сферу, но и само вытеснение может оказаться следствием кодировки психического опыта. Возьмем, например, фразу: «Молнии сверкают в небе, и гром грохочет над землей, вызывая у детей панику и страх». Произведем следующую перекодировку: 1) молнии поменяем на стрелы бога, 2) гром – на голос бога и 3) детей – на людей. В итоге получим новую фразу: «Стрелы бога сверкают в небе, и голос бога грохочет над землей, вызывая у людей панику и страх». Если теперь разорвать символическую связь второй фразы с первой и взять само по себе смысловое содержание второй фразы, то в итоге мы получим религиозно-мифологическую картину, оторванную от породившей ее изначальной репрезентации окружающего мира.

Можно выделить следующие виды символических кодировок, трансформирующих изначальный психический опыт в осознаваемую репрезентацию, которая воспринимается человеком в качестве его психической истины:

1) предметное замещение (замена одного предмета каким-то другим; например, замена слова «молнии» на словосочетание «стрелы бога»);

2) операциональное замещение (замена одного действия каким-то другим; например, замена слова «любить» на слово «ненавидеть»);

3) номинализация (представление действия, процесса в виде события или предмета; например, представление динамического процесса, обозначаемого глаголом «любить», в виде статического состояния, обозначаемого словосочетанием «чувствовать любовь»);

4) деноминализация (представление события или предмета в виде действия, процесса; например, представление статического состояния, обозначаемого словосочетанием «чувствовать любовь», в виде динамического процесса, обозначаемого глаголом «любить»);

5) предметная перестановка (замена местами субъекта и объекта действия; например, замена фразы «я ей не нравлюсь» на фразу «она мне не нравится»);

б) имплицативная перестановка (замена причины и следствия местами; например, замена фразы «я ем, чтобы жить» на фразу «я живу, чтобы есть»).

Рассмотрим, например, перекодировку семантической структуры Эдипова комплекса, лежащий в основе которого психический опыт условно можно представить в виде следующего текста: «Я хочу устранить своего отца как опасного конкурента, чтобы иметь сексуальный контакт с моей матерью». В данном случае может произойти следующее:

1) предметное замещение словосочетания «опасного конкурента» на словосочетание «сильного мужчину» и словосочетания «моей матерью» на слово «женщинами», а также 2) операциональное замещение глагола «устранить» на глагол «походить на». В итоге получается новый перекодированный текст: «Я хочу походить на своего отца как сильного мужчину, чтобы иметь сексуальный контакт с женщинами». Такая перекодировка изначального психического опыта, если использовать терминологию З. Фрейда, происходит в случае разрешения Эдипова комплекса по способу идентификации с отцом. Однако при перекодировке изначального текста, репрезентирующего Эдипов комплекс, может произойти:

1) деноминализация, в результате которой статичное понятие «сексуальный контакт» представляется в виде действия «заниматься сексом с», а затем последнее подвергается операциональному замещению на словосочетание «хочу походить на»;

2) предметная перестановка субъекта «Я» и объекта «отца» с одновременным операциональным замещением словосочетания «хочу устранить» на словосочетание «хочет наказать», а также

3) имплицативная перестановка причины и следствия, которая заключается в том, что если в первоначальном варианте отношения с матерью (желание с ней сексуального контакта) были причиной взаимодействия с отцом (устранение его как опасного конкурента), то в перекодированном варианте взаимодействие с отцом (который может наказать, будучи опасным конкурентом) становится причиной отношений с матерью (на которую следует походить, чтобы завоевать любовь отца). В итоге получается новый перекодированный текст: «Я хочу походить на свою мать, поскольку отец как опасный конкурент хочет наказать меня». Такая перекодировка изначального психического опыта соответствует разрешению Эдипова комплекса по способу идентификации с матерью. Кроме этого, при перекодировке изначального текста, репрезентирующего Эдипов комплекс, могут произойти аналогичные трансформации с тем лишь исключением, что слово «мать» заместится словосочетанием «женщинами, похожими на мою мать», а желание иметь сексуальный контакт – на свою противоположность, т.е. нежелание иметь сексуальный контакт. В результате, получается еще один перекодированный текст: «Я не хочу иметь сексуальный контакт с женщинами, похожими на мою мать, чтобы не быть наказанным своим отцом как опасным конкурентом». Такая перекодировка изначального психического опыта соответствует разрешению Эдипова комплекса частично по способу идентификации с отцом, а частично по способу идентификации с матерью.

Таким образом, понимание механизмов перевода семантической структуры осознаваемого переживания в определенную последовательность символов и знаков бессознательной сферы и обратных механизмов расшифровки бессознательного текста играет существенную роль в самоидентификации личности, а также в психотерапевтическом процессе и процессе психологического консультирования.

Список литературы

1. **Гроф С.** За пределами мозга. М.: Издательство трансперсонального института, 1999. 285 с.
2. **Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.** Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символическе и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
3. **Мидор Б., Роджерс К.** Личностно-центрированная терапия // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 4. С. 28-46.
4. **Фрейд З.** Толкование сновидений. СПб.: Азбука-классика, 2003. 597 с.
5. **Юнг К.** Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 248 с.

SYMBOLIC NATURE OF CONSCIOUSNESS AND UNCONSCIOUS

Igor' Vladimirovich Cherepanov
Department of Philosophy
Novosibirsk State Technical University
philos@fgo.nstu.ru

The author considers the symbolic nature of conscious and unconscious areas of psyche, studies the mechanisms of conscious experience encryption and unconscious syntactic structures decryption and analyzes psyche unconscious material sense formation in interpretation space.

Key words and phrases: symbol; sign; symbolic representation; self-identification; consciousness; unconscious.

УДК 165.19

В статье рассматривается энтропийная характеристика языка. Исследуется влияние энтропии языка на семантические структуры репрезентации. Прослеживается взаимосвязь структур языка и самоидентификации личности.

Ключевые слова и фразы: символ; знак; символическая репрезентация; самопознание; самоидентификация; язык; структуры языка.

Игорь Владимирович Черепанов
Кафедра философии
Новосибирский государственный технический университет
philos@fgo.nstu.ru

ЯЗЫК И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ©

Языки можно разложить по шкале энтропийности, которая, с одной стороны, будет ограничена аналитическими языками (обладающими наименьшей энтропийностью), а, с другой стороны – герменевтическими языками